

Александр Волков

**ПМС «На 37 языках в 145
странах»**

**Очень личные воспоминания об
одном уникальном издании**

Москва
Издательство Нобель Пресс

УДК 93
ББК 63.3
А46

Александр Волков
А46 ПМС «На 37 языках в 145 странах»: Очень личные воспоминания об одном уникальном издании / Александр Волков – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. – 59 с.

ISBN 978-5-518-32159-5

Это книга об уникальном издании – международном журнале "Проблемы мира и социализма", выходившем в Праге с 1958 года до начала 90-х. Автор, бывший сотрудник журнала, проработавший в нем без малого 11 лет, повествует о людях, главным образом, представителях коммунистических партий мира, о том, что у них было общего и какие они разные, о характерах, судьбах, отношениях в редакции, где редакционный совет составляли посланцы из 65 стран. Это раскрывается через живой рассказ об отдельных эпизодах жизни журнала. Для журналистов книга может служить учебным пособием, особенно для международников, многим интересна и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-518-32159-5

© Издательство Нобель Пресс, 2013
© Александр Волков, 2013

ПМС «На 37 языках в 145 странах»

Очень личные воспоминания об одном уникальном издании

На крутом холме, возвысившимся над Прагой, на огромном бронзовом коне сидит могучий бронзовый Ян Жижка, вперив неподвижный взгляд единственного глаза (другой закрыт косой повязкой) в далекую точку на противоположной стороне города. Туда, где сквозь дымку чернеют островерхие шпили Собора Святого Вита в Пражском кремле. Если, наглядевшись отсюда на панораму города, повернуться на сто восемьдесят градусов и медленно, прогулочным шагом, пойти по асфальтированной аллее назад, то минут через двадцать выйдешь на лежащую чуть ниже улицу Коневова (то бишь маршала Конева, который когда-то освобождал этот город от фашистских войск), а, пройдя еще, примерно, столько же, подойдешь к дому с пронумерованными подъездами — 155, 157, 159. В пятьдесят пятом живут в основном латиноамериканцы, в пятьдесят девятом — чехи. Средний, 157 — наш.

Мы живем на шестом этаже, а вокруг нас очень интересные соседи. За дверью рядом недавно жили ирландцы, а потом поселились молодые французы-переводчики. Напротив нас — представитель Компартии Венесуэлы Херонимо Каррера с женой Магдой, немкой. Над нами Сарада Митра, индиец. Под нами — индонезиец Сатияджая Судиман с русской женой, рыженькой Наташей. Ниже — панамец Феликс Диксон, ну, и наши, русские сотрудники международного журнала «Проблемы мира и социализма» (ПМС), наследника, можно сказать, правнука Коминтерна, объединявшего когда-то коммунистов мира.

Из того, что уже говорилось об этом журнале, лучше, чем кто-либо и когда-либо, рассказал в своем интервью, которое мы взяли у него вместе с коллегой, журналисткой Светланой Ярмолюк, Лев Степанов, руководитель группы консультантов при шеф-редакторе этого издания. Журналист-международник, он работал в издательстве «Иностранная литература», журнале «Новое время», в Посольстве СССР в Индии, в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, был заместителем главного редактора журнала «МЭиМО». В течение двенадцати лет (1971–1983) работал в Праге. Затем был консультантом отдела ЦК КПСС.

Мы брали интервью для книги «Пресса в обществе (1959-2000)», и я сейчас хотел бы опереться на него, поскольку в нем систематически изложены некоторые очень существенные вещи. Приведу его с сокращениями — того, что не имело прямого отношения к главной теме.

— Насколько нам известно, Лев Васильевич, работа в печати поглотила чуть ли не полвека вашей жизни. Но если не возражаете, мы хотели бы поговорить главным образом о тех двенадцати годах, которые вы провели в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». И давайте сразу уточним, что это было время как раз между концом Пражской весны и началом нашей перестройки, не так ли?

— В общем да. А уж если быть точным, то я попал в Прагу через три года после появления там советских танков и отбыл домой, в Москву, за полтора года до прихода Горбачева к власти. Тем самым уточняется, в каком именно издании мне довелось работать. Ведь на разных отрезках пройденного журналом без малого тридцатилетнего пути под названием «Проблемы мира и социализма» выходили, по моим представлениям, по меньшей мере, четыре разных издания — румянцевское, францевское, зародовское, послезародовское (по фамилиям шеф-редакторов) или, при почти точном совпадении по годам, хрущевское, раннебрежневское, позднебрежневское, послебрежневское.

По убеждению и по рассказам «пражан первой волны», именно при них (58–64 годы), то есть при Румянцеве, то есть при Хрущеве, журнал достиг высшей точки развития и самого пышного расцвета. Склонен считать, что так оно и было, особенно если учесть, что «первым пражанам» выпало снимать сливки с основосотрясательных решений XX съезда. И среди независимых, так сказать, отзывов о журнале наиболее для него лестные относятся, мне кажется, к «Проблемам» как раз того времени.

Под руководством Францева (64–68 годы) журнал притих и превратился в растерянного наблюдателя, а в какой-то мере и пособника обратного замораживания оттаявшей было при Хрущеве общественной мысли.

Волнения европейского студенчества и Пражская весна открыли (или пусть для начала только приоткрыли) новую страницу в современной истории, а заодно и в жизни «Проблем мира и социализма». Москва еще лелеяла свой «полный гордого доверия покой», но, хочешь — не хочешь, ее идеологам приходилось искать способы приспособления к миру, внезапно усложнившемуся и возымевшему склонность бунтовать. Для нового шеф-редактора журнала Зародова такое приспособление («без сдачи принципиальных позиций») было и серьезной личной потребностью, и важнейшей в его понимании задачей КПСС. Так что под его водительством (68–82 годы) «Проблемы» обрели второе дыхание и стали осторожно допускать на свои страницы то непривычные, то даже явно крамольные суждения.

Журнал послезародовского времени, на глазах тускнея, протянул до весны 1989 года. Он был обречен: в условиях разложения и распада коммунистического движения, при гласности и свободе печати такому изданию уже не было места. Потерпели крах и попытки превратить его из журнала международного «красного» в международный «розовый».

Не могу не поделиться таким, забавным по-своему, наблюдением. Мои знакомые «пражане» разных очередей заезда, как правило, настаивают, что именно в их время журнал был наиболее интересным и работал всего плодотворнее. Воистину непобедимо преданное отношение всякого кулика к своему болоту. Моим временем было зародовское по пражским часам и позднебрежневское — по советским.

— *Для советской печати это было время унылого однообразия. Все временные издания были как бы одним миром мазаны. Ушли в небытие четкие различия и противостояния, вроде тех, что разрывали читателей меж-*

ду «Октябрем» и «Новым миром». Есть, однако, мнение, что "Проблемы" многие читали особенно внимательно и заинтересованно. Например, по словам известного правозащитника А. Гинзбурга, журнал пользовался успехом у попавших в заключение диссидентов. Каково ваше мнение: имел ли он собственное лицо, представлял ли особое, отличное от других направление?

— И да, и нет. Это, думаю, самый близкий к истине ответ. Да — уже потому, что журнал даже не числился советским. Он считался международным — совместным изданием сначала, кажется, двадцати (при основании в 1958 году), потом многих десятков «братских партий». А нет — потому, что журналом тем не менее всецело распоряжались ЦК КПСС (задававший «генеральную линию») и советские работники редакции (тащившие на себе груз литературной текучки и организационно-технической суеты). Из Москвы, конечно, шли и деньги, хотя все партии-издатели, стоявшие в своих странах у власти, тоже были обложены данью, собирать которую с каждым годом становилось все труднее. И как всегда: кто этот журнал «ужинал», тот его и «танцевал».

В первые же дни работы в редакции я услышал из уст тогдашнего ответственного секретаря Шахназарова: «Любые наши попытки улучшить журнал, поднять его качество останутся бесплодными. Журнал и должен, и будет соответствовать нынешнему состоянию коммунистического движения. А оно такое, какое есть». Меня эти слова, признаться, покорибили. Ни на какие творческие усилия они не воодушевляли. Путь к примирению с правдой, высказанной вслух Георгием Хосроевичем, занял несколько лет. По ходу дела уяснилось, что же именно за этой правдой скрывается и как она (неизбежно!) отражается на содержании, на всем облике журнала. Самым существенным было то, что на страницы «Проблем» не мог не выплескиваться все более охватывавший комдвижение идейный разброд — иначе сказать, идейное многоцветье.

Главной и всеопределяющей задачей для нас было «укрепление единства международного коммунистического движения.» На деле это означало прежде всего постоянный, из месяца в месяц, сбор подписей компартий мира под текстами, которые, каждый на свой лад, должны были звучать присягой на верность Москве. Часто это не составляло труда. На заре своей пражской жизни, в 1972 году, находясь еще во власти некоторых романтических, на школьной скамье усвоенных представлений, я был просто ошеломлен собственным производственным успехом — тем, с какой легкостью получил в Люксембурге подпись председателя тамошней компартии Доминика Урбани под «его» статьей, мною же написанной и в нашей редакции переведенной на французский. «Автор» назначил мне встречу в кабачке, где и подмахнул, не читая, это мое сочинение. То же самое, с ничтожными отклонениями от общего правила, повторялось у меня потом с главными коммунистами в Австрии, Дании, Норвегии.

Подобное, однако, не проходило с руководителями чуть более самостоятельных либо уж совсем отбившихся от рук партий. Например, нечего было и думать о подсовывании готовых бумаг испанцам, итальянцам, французам.

Со временем все больше стала обнаруживаться заразительность «дурного примера»: в 1976 году я заявился в Лиссабон с тщательно отработанным «проектом статьи» Алваро Куньяла и неожиданно получил от ворот поворот. Правда, произведение, созданное им самим и присланное в редакцию пару недель спустя, духом своим и содержанием несколько не отличалось от моего «проекта».

Сама наша роль «нового Коминтерна», занятого борьбой за единство международного коммунистического движения, предполагала отсутствие такого единства или, во всяком случае, его зыбкость, непрочность. Действительно, если одни партии легко снабжали нас своими «подписями», то другие настойчиво проталкивали в журнал и упорно отстаивали собственные, дорогие им (но не Москве!) «завоевания творческого марксизма».

Единство партий, как и единство «Проблем» с советскими печатными изданиями, было незбылемым главным образом перед лицом врага номер один — американского империализма. Ему от журнала всегда доставалось по первое число. Но далее срабатывала со средневековья известная истина: еретик опаснее безбожника и самого дьявола.

Зло страшнее страшного, с которым неустанно воевали «Проблемы», находилось не где-то в цитаделях мирового капитала, а всегда в пределах передовой части человечества — либо в странах социализма, либо в рабочем и национально-освободительном движениях, либо среди партий, признававшихся коммунистическими, то есть, в конце концов, в собственных рядах хозяев журнала. Имя зла с течением времени менялось. Сначала это была «клика Тито-Ранковича», с которой вела непримиримую борьбу предшественница «Проблем» — переместившаяся из Белграда в Бухарест газета «За прочный мир, за народную демократию». Потом, уже из Праги, прямой наводкой поочередно хлестали по маоизму, чехословацким предателям-ревизионистам, польской «Солидарности»...

Более обходительное обращение требовалось для еврокоммунизма в разных его ипостасях и для не в меру самостоятельных идеологов, подававших голос из братских соцстран. В этих случаях негоже было громить; ошибкам и заблуждениям надлежало противопоставлять выверенные марксистско-ленинские взгляды. Соотношения выдерживались «правильные»: на одну страницу «заблуждений» страниц эдак тридцать идеологически безукоризненных текстов, разъясняющих и опровергающих.

Установочными, во всех отношениях главными были, конечно, статьи, которые печатались за подписями руководителей КПСС. Чистоту и точность поставлявшихся со Старой площади и распространявшихся «Проблемами» теоретических истин мы блюли с особым рвением. Если случалось чего-то недоглядеть, старшие товарищи нас поправляли.

Этот опыт «Проблем» и мой лично дает, между прочим, повод задуматься о цене идеологической чистоты, причем о цене в ее буквальном, самом обыденном понимании. То есть почему (в денежном выражении) обходилось строго выверенное партийное слово? В 1977 году я как-то должен был срочно слетать в Москву и обратно, чтобы доставить в Прагу одно-

единственное исправление, внесенное самим Суловым в «его» статью, подготовленную у нас для очередного номера. В те времена аэрофлотовские тарифы устанавливались еще не на рыночной, а на «научной» основе, но все равно подобное путешествие влетало, конечно, в копейку. Справившись сегодня о стоимости авиабилета на полет по маршруту Прага-Москва-Прага, каждый может узнать, что за вставку прилагательного «социалистического» в словосочетании «принцип социалистического распределения по труду» отвалить по 400 баксов нашей партии было ничуть не жалко. Стоит задуматься, почему она была такая щедрая.

Впрочем, и в глазах многих сотрудников журнала любые затраты сил и средств на статьи, подобные суловской, оправдывались тем, что таким путем строилась, как сейчас сказали бы, «крыша», под которой позволительно было запускать на журнальные страницы и кое-какую ересь. Читателям предоставлялась возможность мужественно продирается сквозь частокол забубенных пропагандистских заклинаний, чтобы впитаться в несколько абзацев, по московским меркам крамольных и пропущенных нами когда вынужденно (по настоянию партии-автора), а когда и сознательно. Мы сами с наслаждением печатали, а преданные наши читатели и почитатели с удовольствием воспринимали отчеты о «круглых столах», за которыми их участники высказывали множество мыслей, советской властью не дозволенных.

Об этом вкладе «Проблем» в умственную жизнь нашего общества говорено-переговорено, написано-перенаписано. И все в одном ключе: журнал «выглядел» более прогрессивным, чем советские издания... Здесь проходили более раскованные идеи, чем дома, здесь они в известной мере «легализовались». Характерно, что «в Москве поначалу кое-кто даже пытался ограничить распространение журнала в СССР». Это — из совсем недавно (1998 год) вышедших воспоминаний К.Н. Брутенца, тоже бывшего «пражанина» и под конец партийной карьеры замзава международным отделом ЦК. К словам Карена Нересовича, как и к созвучным высказываниям иных «послепражских мемуаристов» (А.И. Волков, А.С. Черняев и другие) полностью присоединяюсь. Эта оценка, на мой взгляд, верна (хотя, может быть, и в разной степени) для «Проблем» как румянцевского, так и, безусловно, зародовского времени.

Журнал страдал врожденным пороком, который, однако, в определенном смысле оборачивался для него добродетелью. Он был обречен быть отменно скучным — уже потому, что на его страницы не допускались личные мнения и оценки, а лишь тщательно уравновешенные, по возможности для всех партий приемлемые суждения, то есть главным образом общие места. К тому же «Проблемы» под разными названиями выходили, как (с перебором!) сообщалось на обложке, на 34 языках и распространялись в 75 странах. (Данные эти претерпевали изменения, потому в заголовке названы иные цифры. — Прим. АВ). Это означало, что обычная журналистская забота о сочности слова, об изяществе изложения заведомо теряла смысл, поскольку любые достижения в этой области все равно шли насмарку при переводе. Впрочем, и выглаженные до состояния телеграфного столба тексты «русского эталона»

ставили переводчиков в тупик; они, например, годами бились над неразрешимой задачей — как перевести (на какой угодно язык) словосочетание «персональный пенсионер союзного значения»?

— *Достоянием чуть ли не всего нашего читательского сообщества были, как известно, навыки чтения между строк. Для «Проблем» тоже были характерны «подтексты»?*

— Могу поручиться, что эзопов язык, прозрачные или хотя бы скрытые намеки, косвенные наводки для читательской мысли — все эти приемы политической тайнописи, неплохо освоенные и испытанные в некоторых советских изданиях, у нас совершенно не были в ходу.

Все сколько-нибудь значительные статьи попадали на страницы журнала после их обсуждения и утверждения на заседаниях редакционного совета либо с учетом замечаний, сделанных представителями партий в рабочем порядке. Предварительно подготовленные тексты переводились и размножались на ротаторе, у которого долгие годы стоял пожилой технический работник, чех. Пришел ему срок уходить на пенсию, и на своих проводах он — тихий, скромный человек — заявил, что хотел бы на прощание разрешить мучившую его все это время загадку: что такое «струггле»? «Если у меня шла статья на английском, — пояснил он, — я заранее знал, что на каждой странице это слово встретится раз десять. Так что же это такое?».

Так невзначай была, на мой взгляд, дана независимая сводная оценка одновременно и языкового убожества журнала, и смысловой ограниченности его содержания, переперченного революционной риторикой (Struggle, англ. — борьба)...

Так вот, мне кажется, что, ощущая навязанную обстоятельствами внешнюю непривлекательность и занудность своего детища, сотрудники журнала даже и по этой причине, то есть подсознательно стремились поправить дело и снискать благорасположение читателя, используя любую возможность подсунуть ему какую-нибудь «свежатину», подать ее под видом осуждаемой «ненашей» точки зрения. Хотелось все-таки как-нибудь поприличней выглядеть, причем в глазах именно своего, советского читателя. Работали главным образом, если не исключительно, на него.

— *И добивались читательской признательности?*

— Ответ может быть утвердительным со ссылкой на то, что в СССР журнал расходился почти без остатка. Но кто скажет, какую роль при этом играло то обстоятельство, что из года в год от членов КПСС требовали подписываться хотя бы на одно партийное издание, и они останавливали свой выбор на «Проблемах», которые были дешевле большинства подобных журналов и партийных (вроде «Правды») газет? В любом случае «Проблемам» выпало обрести то, что именуется широкой известностью в узком кругу, и в пределах этого круга журнал поддерживал шевеления ищущей мысли, подпитывал умы свежими соками и помогал им освобождаться от косных, отставших от века представлений...

Слепцам журнал глаз не раскрывал; до них он попросту не добирался. Но прозревавшие находили в нем опору и поддержку.

Мне известно упомянутое вами мнение-воспоминание Александра Гинзбурга, который добавлял, что журнал даже повергал наших инакомыслящих в сомнения насчет правильности избранной ими линии общественного поведения, заставлял задумываться: что лучше — открыто отстаивать свои взгляды, расплачиваясь за это обрывом всех связей с обществом, либо все-таки использовать доступные возможности влиять на умы, ради чего, мол, не грех и наступить иной раз на горло собственной песне?

Находил хорошие слова для «Проблем» и А.И. Солженицын — это в связи с появлением в журнале статьи Юрия Карякина (1963 год), которая представила только-только громко заявившего о себе писателя ценнейшим идеологическим союзником международного коммунистического движения.

Стоит обратить внимание на сходство и различия в восприятии «Проблем» вольнодумцами, с одной стороны, и охранителями устоев, с другой. Если первые выискивали на наших страницах ростки независимой мысли и за это нас любили, то вторые, ссылаясь на те же признаки нашего вероотступничества, поносили журнал самыми грозными словами. От наезжавших в Прагу или в Карловы Вары партийных и государственных чинов среднего звена мне не раз приходилось выслушивать высокомерно осуждающие отзывы о нашей редакции как «гнезде ревизионизма». (Похоже, но с иной интонацией, вполне позитивной, высказался о журнале в одной из бесед популярный французский обозреватель Мишель Татю. Он назвал ПМС «гнездом диссидентства». — Прим.АВ)

— *Распространено мнение, что из тех, кто делал журнал, из людей, прошедших «пражскую школу», сколачивался затем особый, самый, так сказать, передовой отряд советской политической журналистики. Вы разделяете это мнение?*

— Во всяком случае, «пражская школа» давала очень много — основательно учила и переучивала, здорово воспитывала.

Для начала, однако, не мешает взглянуть на вещи шире. Система — однопартийная, но многоподъездная — создавала вполне достойное оруэлловской оценки причудливое положение, при котором все стоявшие над печатью начальники были заодно, но некоторые выступали заодно больше, чем другие. В ЦК отношения отделов пропаганды и международного были подпорчены взаимной подозрительностью и неприязнью, что не обнаруживалось прилюдно, но сплошь и рядом прорывалось в частных разговорах, среди своих, когда стороны обзывали друг друга соответственно «отъявленными ревизионистами» и «невежественными долдонами». Говорить об идейной вражде в данном случае было бы нелепо. Но и не стоит упускать из виду проявлявшееся тут противостояние различных мироощущений, различных профессиональных опытов и в целом, можно сказать, различных культур.

«Проблемы» ходили под международным отделом, а не пропаганды, да еще над ними не было ни главлита, ни выездной комиссии. Печатать — не печатать, отправляться — не отправляться в заграникомандировку — такие, обычно мучительные в московских условиях, вопросы решались у нас просто и мгновенно, по итогам одной встречи с шеф-редактором.

Разумеется, московских чиновников это сильно раздражало, как и ни с какими привычными правилами не сообразуемое положение редакции, изъятой из-под власти посольства СССР. Все советские граждане и учреждения за границей находились под строгим посольским присмотром, а тут, видите ли, полная самостоятельность и прямой выход на Москву, да еще на ЦК КПСС, к тому же на его пропитанный чуждым духом международный отдел.

Всего этого было достаточно, чтобы носители косных московских взглядов и привычек смотрели на сотрудников нашей редакции как на скрытых идейно-политических противников. Многие были, например, убеждены в причастности советских работников журнала к развязыванию «антисоциалистических тенденций», которые привели к «преступной вылазке» Дубчека, Смрковского и прочих «врагов» Советского Союза и чехословацкого народа. К услугам такой точки зрения имелись и факты: в роковые дни 68-го несколько советских сотрудников журнала (среди них В.П. Лукин, впоследствии посол в США, влиятельный депутат Думы от «Яблока») были в срочном порядке отозваны в Москву в наказание за «неправильный» прием, оказанный ими советским танкам в Праге. Ясно, что подобные люди никак не могли выпускать журнал, нужный партии и достойно проводящий ее линию.

Действительность в таких представлениях ставилась с ног на голову. Не работники «Проблем» подняли на бунт Прагу, а восставшая и раздавленная Прага прочищала и освобождала от догм головы советских журналистов, учила гибкости их мозги и перья.

О «пражанах» румянцевского призыва А.С. Черняев говорит, что «эти люди, а их десятки, прошедших школу журнала, стали черенками свободы в дряхлеющем древе советского марксизма-ленинизма...» В существе своем, полагаю, эта оценка будет верна и в отношении значительной части сотрудников зародовских «Проблем». Но не мешает отметить вот какое немаловажное различие в судьбах «пражан» этих разных поколений. При первом заезде в «пражскую школу» поступали люди, только начинавшие искать свое место в профессиональной, общественной и политической жизни. Иных через пять лет после смерти Сталина и взять-то было негде. Мы же, усаживавшиеся за парты этой школы спустя 15–20 лет, в большинстве своем успели уже до прибытия в Прагу обзавестись и опытом, и положением, так что сравнительно с нашими предшественниками могли выглядеть переростками, второгодниками (некоторые действительно, после перерыва в несколько лет, приезжали при нас на второй срок). Тем не менее воспитательно-преобразующая сила «пражской школы» была настолько велика, что помешать ее благотворному воздействию не могли никакие наши возрастные особенности.

Среди источников этой силы, помимо уже отмеченных, заслуживают упоминания по крайней мере еще два.

Прежде всего — сама Прага, примолкшая, ушедшая в себя, но так или иначе не дававшая забывать о трагедии 68-го. Конечно, и в кругах московской интеллигенции было тогда обычным делом потихоньку наслаждаться пленительными запахами увядших цветов пражского свободомыслия и мучиться горьким стыдом за свою пусть и косвенную принадлежность к тем,

кто вытоптал эти многообещающие ростки обновления. Но в самой Праге жизнь с кукишем в кармане требовала куда большей внутренней напряженности и изворотливости, особенно от тех, чьей первой и главной обязанностью было оберегать чистоту казенной идеологии и, более того, добиваться, чтобы эта идеология не теряла наступательного заряда и набирала влияние во всем мире. В этих условиях судьба ужей на сковородке была уготована и для меня, и для многих моих товарищей по советской части редакции, и в ощутимой мере даже для К.И. Зародова, а равным образом и едва ли не для большинства представителей «братских» партий в журнале.

Другим источником мощного влияния на наши умы и души было тесное повседневное общение с «представителями» (так обобщенно, без дальнейших уточнений именовались постоянно жившие в Праге либо время от времени туда наезжавшие люди, которые работали в журнале по поручению сотрудничавших с ним компартий). Отношения у нас с ними, за редчайшими исключениями, были самые хорошие, взаимно уважительные, часто сердечно дружественные. И в основе их лежали не «классовая солидарность», не «международное братство единомышленников-коммунистов», а чисто человеческие чувства и здравым смыслом привитые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Преобладали среди представителей люди порядочные, чистые. Многие отличались обширными познаниями и разнообразными, порой самыми неожиданными способностями. У одних за спиной были годы работы в подполье, жизнь, полная приключений, другие и в Праге-то чувствовали себя не совсем уютно, поскольку не могли забыть, что над ними висит вынесенный на родине смертный приговор...

По изначальному образованию я — индолог. Наверное, это сыграло определенную роль в нашем быстром сближении с умным, обаятельнейшим Сарадой Митрой, представителем компартии Индии. Сарада обладал неиссякаемым запасом юмора, пленял всегдашней готовностью подтрунивать над самим собой. Бок о бок, душа в душу прожили мы с ним все мои и его пражские годы. (Он скончался через месяц после моего возвращения в Москву).

На заре нашего знакомства я как-то попросил рассказать, что привело его в политику. Ожидал услышать что-нибудь насчет праведного гнева, разгоревшегося в душе индийского юноши, оскорбленного черствостью и жестокостью хозяйничавших в его стране колонизаторов. Поведал же Сарада следующее: «В мои школьные годы в нашем городке, да и по всей Бенгалии, время от времени в лавках исчезал керосин. Конечно, это вызывало всеобщее недовольство. Взрослые ругались, жаловались, но не знали, что делать. Зато мы, школьники, знали. Однажды сговорились и гурьбой отправились к дому окружного комиссара. Подошли, расшумелись. Он появился на крыльце — стройный, подтянутый, красивый англичанин. Спрашивает:

— Чего вы хотите? По уговору предъявлять наши требования должен был я. И вдруг меня осенило, что с таким божественно прекрасным человеком, да еще и высоким начальником, говорить о керосине мелко, смешно, просто стыдно. Я выступил вперед и выкрикнул:

— Свободы! Он по-доброму улыбнулся, широко развел руки и сказал:

— Свободы? Натс. Пожалуйста. Ну, а если детской голове пришлось задуматься, что же важнее — керосин или свобода? — потом ее от политики не оттащишь. Так все и началось».

Журнал считался теоретическим, и как проповедники марксистских истин мы, советские работники редакции, могли действовать очень уверенно, оправданно сознавая и чувствуя свою более основательную книжную подготовку по сравнению с представителями партий, университетов, как правило, не кончавшими. Но помимо общих рассуждений о базисе и надстройке, об антагонистических и неантагонистических противоречиях, о мирных и немирных формах борьбы за диктатуру пролетариата и проч., и проч. — помимо всего этого, мы должны были еще заниматься воспеванием всякого рода земных достижений нашего родного общества.

Здесь нас постоянно подстерегали ловушки, расставленные посконными советскими представлениями. И на выручку приходили иностранные друзья, разъяснявшие, как это делала, например, Родни Эман, представительница «Левой партии — коммунисты Швеции», что предлагаемые автором такой-то статьи хвастливые ссылки на достигнутые в СССР успехи в охране материнства и детства выглядят по меньшей мере смешно в сравнении с тем, что достигнуто в этой области в Скандинавии.

«Что вы тут расписываете, как ваши трудящиеся проводят отпуск в санаториях? — кипятился Жорж Квиатовски, представитель Германской компартии. — В ФРГ отпуск есть отпуск. А в санаторий люди отправляются само собой, по предписанию врача, не во время отпуска, а помимо отпуска».

Так чужеземные «братья по классу» приучали нас критически относиться к опорным догмам советской пропаганды. Заодно они отваживали и от чисто советских подходов к выпуску национальных изданий журнала, к его распространению. Отбиваясь от нашего начальства, требовавшего расширить распространение «Проблем» в Сенегале, посланец тамошних борцов за народное счастье Амаду Дансоко гремел на редакционном совете: «Поймите, наконец, что африканская культура отличается от европейской. Она устная, а не письменная!»

Еще, среди прочего, учили нас не переживать за судьбу датского издания журнала и спокойно относиться к тому, что кучка выпускавших его коммунистов время от времени в полном составе увольняется и вливается в ряды безработных. Еще бы! Им же надо было на что-то жить, и полученных за два три месяца пособий по безработице этим подвижникам-бессребреникам хватало, чтобы потом целый год отдаваться переводу и изданию журнала, не забывая о куске хлеба.

Кстати, эти самые датчане потрясли нас и находчивостью, проявленной ими в поисках дороги к сердцу читателя. В редакции вдруг появилась малоформатная книжица в глянцевой обложке, на которой в вызывающей (суперавангардистской!) художественной манере, но вполне внятно был изображен акт любви. Оказалось, это свежий номер наших глубокоуважаемых «Проблем», вышедший в Копенгагене — столице сексуальной революции.